

САМОРОДОК

Он подошел ко мне в сумерках. Был тягучий августовский вечер. Я сидел на остановке вблизи своего дома, вовсе не собираясь никуда ехать. Редкие в это время троллейбусы, останавливаясь, чихали дверями просто ради приличия и ползли себе дальше, утомленно покачивая рогами.

Его привёз один из троллейбусов-жуков. Мне показалось, что этот человек вышел, заметив моё присутствие на безлюдной остановке. Некоторое время он стоял в сторонке, вроде бы мной не интересуясь, потом кособоко приблизился.

– Выпить хочешь? – спросил он угрюмо.

Я не хотел, о чём и поведал ему в как можно более вежливой форме, немного опасаясь неприветливого гражданина.

– Надо захотеть, – убежденно сказал странный тип. Глаза из-под кепки смотрели просительно.

Я присмотрелся к нему: вида простого, в возрасте, лет этак под пятьдесят, если и выпивши, то совсем немного – среднестатистический, как принято говорить, россиянин.

– Выпить надо, – он наконец объединил две свои первые фразы в более подходящую его мироощущению и достал из бокового кармана пиджака «четвёрку».

Такая настойчивость начинала томить, и я сказал уже грубовато:

– Надо, значит, пей. А я не хочу.

Незнакомец посмотрел на меня с некоторым интересом и одному ему понятными путями вывел умозаключение:

– Ясно. Закодированный, стало быть. Ну, давай я тебе газировки какой-нибудь куплю. Посидим.

– У вас какой-то праздник? – спросил я, морщась от мысли, что всё-таки дал втянуть себя в совершенно ненужную беседу.

– Да вроде того, какой-то, – он выглядел смущенным и растерянным. – Понимаешь, стих мой в газете напечатали.

Настала моя очередь проявить интерес:

– Вы писатель? Поэт?

... Газировки он купил в ларьке здесь же, на остановке. Купил ещё шоколадку – на закусь, выпил водки из пластикового стаканчика. Мы познакомились.

– Да какой там писатель! – восклицал мой новый знакомый почему-то с горечью. – Фрезеровщик я. Раньше-то никогда ничего такого не писал – и в голову не приходило. А тут вдруг – бах! И вот...

Он выдернул из кармана газету, развернул её и стал тыкать туда костистым пальцем.

– Валерке показал, а у него племяш в газете работает...

Незнакомый мне Валерка или его газетчик-племяш, а может, и оба-двое, вкус имели. В свете фонаря и зажигалки, услужливо подставленной фрезеровщиком, я разглядел на газетной полосе среди десятка других и его стихотворение. Надо сказать, что были там и стихи, подписанные именами, известными публике читающей. Однако, насколько я мог судить, стихотворение рабочего выгодно отличалось от произведений маститых. Оно было свежим, неожиданно образным и явственно несло на себе отпечаток таланта автора.

Собеседник мой пребывал в полной прострации то ли от выпитой водки, то ли оттого, что никак не мог связать имя на газетной странице с собой, таким себе знакомым.

Я сдержанно похвалил его строки и спросил, не собирается ли он писать дальше.

– Вот уж делать мне нечего! Я так сопьюсь, нахрен. Сегодня, что, от радости пью, что ли? Ну не понимаю я, как такое случилось! Веришь? Не привык, когда не понимаю...

Проговорив ещё полчаса – о женах, детях, политэкономии, – мы расстались тепло, как добрые друзья. Он, казалось, вздохнул облегченно, потому что нашел нужного собеседника, снял со своих плеч хотя бы часть мучившего его непонимания. А я не стал его убеждать в том, что писать стихи – его призвание, прекрасно зная, к чему это могло бы привести: он начал бы выдавливать из себя в страшных муках строки, рифмы и прочие стихотворные премудрости. Получалось бы, наверняка, в десятки раз хуже того, первого, продиктованного свыше. В результате хороший фрезеровщик лишь пополнил бы тесные ряды армии графоманов, получающих от рифмовки слов удовлетворение сродни сексуальному.

А может быть (ведь может?), эта капризная, своенравная дамочка, муза, когда-нибудь ещё хотя бы раз озарит моего нового знакомого своим чудесным лучом. Тогда мир получит ещё одно хорошее стихотворение.